

© Т. В. Излученко

DOI: [10.15293/2226-3365.1803.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1803.05)

УДК 141.319.8:2-184

РЕЛИГИОЗНОСТЬ СОЗНАНИЯ КАК КРИТЕРИЙ АНАЛИЗА И МЕХАНИЗМ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЙ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Т. В. Излученко (Красноярск, Россия)

Проблема и цель. В работе исследована проблема трансформации социальных ритуалов современного общества как механизмов передачи знаний о структуре повседневности и выражения внутренних и внешних факторов развития социума. Целью является обоснование продуктивности применения религиозности в качестве критерия анализа трансформаций социальных ритуалов повседневности современного человека.

Методология. Исследование повседневности основано на подходах исторической антропологии (П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, С. Н. Боголюбова). Религиозность рассмотрена в рамках когнитивистики (П. Бойер, Т. Малевич). Структурно-функциональный подход применен к трактовке социального ритуала (Э. Дюркгейм).

Результаты. Автором обоснована роль религиозности в формировании структуры повседневности и развитии социальных ритуалов. Отмечена обусловленность форм религиозности в социальных ритуалах повседневности социокультурными условиями и психологическими установками. Проведен анализ повседневности как онтологического понятия, включающего в качестве элементов интерпретацию значимых явлений социальной действительности, регулярно совершаемые социальные ритуалы и коммуникативное пространство, в рамках которого осуществляется процесс обучения и передача знаний. Охарактеризована соподчиненность религиозных действий и социальных ритуалов повседневности. Религиозные действия обозначены частными случаями социальных ритуалов, в которых религиозный компонент является основополагающим. Социальные ритуалы представлены механизмами передачи знаний, умений и навыков, способами обучения внутри социума посредством перформативности и мимезиса с целью поддержания социальной целостности. Подчеркнута трансформация социальных ритуалов в современном мире под влиянием секуляризации, что выражается в содержании и последовательности действий самих ритуалов, а также в структуре повседневности. Предложено исследовать изменения социальных ритуалов посредством критерия религиозности.

Заключение. Автором подводятся итоги и обосновывается религиозность сознания в качестве продуктивного критерия анализа трансформаций социальных ритуалов, происходящих под влиянием социокультурных условий.

Ключевые слова: повседневность современного человека; религиозность сознания; социальные ритуалы; религиозные практики; религиозная традиция; религиозные сообщества; историческая антропология.

Излученко Татьяна Владимировна – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Сибирский федеральный университет.

E-mail: izluchenko@mail.ru

Постановка проблемы

В современном обществе одним из основных принципов деятельности человека и социума провозглашена светскость. Отделение религиозного от государственного, исключение взаимовлияния религиозных объединений и государства, невмешательство во внутренние дела друг друга, постепенное снижение проявлений религиозности в публичной сфере являются результатами секуляризации. Однако при этом отмечается рост влияния религиозной сферы на повседневную жизнь людей, появление различных форм религиозности, синкретичных образований и религиозного фундаментализма.

С одной стороны, нормы светскости и универсальность культуры западноевропейского общества воплощают идеальную модель либерального, социально-политического устройства. Исследователи отмечают формирование секулярного общества, в котором религиозность исчезает или становится сугубо индивидуальной. Ю. Хабермас [1] указывает на постепенное замещение религиозности светскостью, а Х. Кокс – на ограничение религиозности рамками индивидуальных практик. Социальные ритуалы обусловлены разнообразными социокультурными и политическими условиями тех или иных территорий. Они отражают только контекст существования социума. А. Уиллард и Л. Цинля отмечают, что посредством религиозных практик как наиболее традиционных механизмов происходит только культурная передача [2].

С другой стороны, личностные духовные поиски и возможности, позволяющие найти отвечающую личностным интересам религиозную традицию, реализуют потребность в индивидуальности посредством выполнения «священной» миссии в рядах того или иного религиозного сообщества. В этой связи А. Де [3], Ф. Чиоделли [4] указывают на рост

религиозных проявлений в мире и конструирование повседневности на основе религиозных традиций. Б. Гёкариксель и А. Секор вводят понятие «постсекуляризм», отмечая наличие географических территорий, в которых происходит интеграция религиозных и секулярных проявлений в рамках светского государства [5]. Субъективные представления о «священном» и «мирском», унифицированные религиозной идеологией, находятся в основе социальных ритуалов повседневности.

Обе позиции рассматривают трансформации социальных ритуалов как корректировки их функций в секулярном или религиозном социуме, что фокусирует внимание на социокультурном и политическом контекстах. По нашему мнению, в результате такого подхода исследователь получает ангажированные данные, сущность социальных ритуалов остается неизвестной. Опираясь на утверждения о врожденности религиозности и социальных ритуалов как структурных элементов повседневности, обеспечивающих социальную солидарность, можно отметить продуктивность использования религиозности в качестве критерия анализа трансформаций социальных ритуалов.

Цель работы – обоснование продуктивности применения религиозности в качестве критерия анализа трансформаций социальных ритуалов. Необходимым представляется определение роли религиозности в формировании структуры повседневности, выявление проявлений религиозности и особенностей религиозных действий как социальных ритуалов, а также обобщение характеристик социальных ритуалов в контексте социальной солидарности и передачи информации между представителями, включая связи между поколениями.

Методология исследования

На наш взгляд, подходами исторической антропологии, в частности истории повседневности, применительно к исследованию повседневности представителей западноевропейского общества становится возможным выявить влияние религиозности на поведение и мотивацию. Методологический подход истории повседневности П. Бергера, Т. Лукмана, Г. Гарфинкеля, С. Н. Боголюбовой способствует проведению сравнений (бинарных, межрегиональных), выявлению общего и особенного в повседневных процессах. Когнитивный подход П. Бойера и Т. Малевич [6] позволяет рассматривать религиозность как естественное свойство сознания, которое от рождения присуще каждому человеку и которое влияет на его повседневную практику, формирует мировоззрение. Социальные ритуалы рассматриваются как структурные элементы повседневности, обладающие функциональным значением – поддержанием социальной солидарности, интеграцией представителей в рамках единого коммуникативного пространства, в трактовке Э. Дюркгейма. Установление содержания социальных ритуалов осуществляется посредством реконструирования социального контекста [7].

Результаты исследования

Повседневность в самом широком понимании рассматривается как быт или обыденность, события и процессы которой с различной периодичностью повторяются и являются неотъемлемой частью человеческого бытия. Стереотипность повседневности нередко обусловливается насильственным и навязчивым характером деятельности [8, с. 85]. Историческая антропология актуализирует обыденность, рутинность деятельности повседневной жизни, сосредотачивает внимание на простых людях как на творческих личностях, а не на

пассивных потребителей или объектах господства. Повседневность охарактеризована О. Ю. Марковцевой в онтологическом аспекте как бытие человека в мире, заключающееся в переплетенном конгломерате моментов жизнедеятельности, бытование человека в мире. При этом подчеркивается психологическая составляющая, проявляющаяся в потоке переживаний, понимании бытия как смысловой сетки и континуума её творческого переплетения. Повседневность придает смыслы объективной действительности, конструируя общий характер представлений людей о мире, указывая на их место и роль в нём. Повседневность проявляется в качестве содержания, мыслимого упорядоченным в конкретно-исторической форме, и «конструирует границы и остов, удерживающий разнообразные, разноплановые, распадающиеся сами по себе и текучие, хаотические повседневные смыслообразования» [9, с. 111]. П. Бергер и Т. Лукман охарактеризовали повседневность как реальность повседневной жизни, которая «интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира». Сознание человека конструирует мир как совокупность множества реальностей, среди которых имеет место быть его повседневность, воспринимаемая в фокусе «здесь-и-сейчас». В повседневности субъективные процессы объективируются и визуализируются в социальных практиках.

Коммуникация может выступать не только как способ общения и расширения мировоззрения, но и как пространство, содержащее способы описания и осмысления, позиционирования и идентификации людей в качестве представителей того или иного социума. Г. Гарфинкель выделял структуры знания и методы, которыми представители общества осмысливают себя и свою деятельность, в отдельные предметы исследования. На основе

данных структур конструируется межличностный диалог и осуществляется повседневная деятельность. Люди посредством действий структурируют повседневность и посредством действий же дают объяснения объективной действительности, телесно выражая индивидуальные и/или коллективные интерпретации. Функцией повседневности С. Н. Боголюбовой определяется осуществление идентификации человека с определенным социумом на основе социальных действий, ритуальных практик. Благодаря наличию схожих моделей повседневности, сконструированных на основе единых процессов в социуме, осуществляется коммуникация между представителями одного сообщества социума, носителями единых мировоззренческих установок, позиционирующих себя таковыми. Также коммуникация происходит и между людьми, обладающими «разными» моделями повседневности, что позволяет им осознавать свою уникальность, особенности и отличительные признаки. Повседневность выступает пространством «идентификационных интерпретаций», которое включает вещи, окружающие человека, его социальные связи, поведение и отношение к ним [10, с. 54].

Повседневность выступает элементом социальной сферы общества, выражает коллективные и индивидуальные представления о мире. Из-за условий проживания и внешних воздействий повседневность претерпевает изменения, выражая динамику и направленность развития социума. Регуляция и конструирование стереотипов поведения, образа жизни осуществляются социумом посредством ритуалов как социальных действий. Как отмечено С. В. Никифоровой, повседневность, будучи конкретно-ситуативной, повторяемой, устойчивой, нацеленной на тактический результат и поддержание постоянного образа жизни, ос-

новывается на фундаментальных, пространственно-временных характеристиках бытия, включает ритмы тела (движения, жесты), ритмы и темпы событий (распорядок дня) и контекст событий (календарные даты) [11].

Социум, формируя единую модель повседневности своих членов и используя культуру для ее поддержания, обеспечивает свою целостность. Повседневность характеризуется повторяющимся, «нормальным» и привычным, конструирующим стилем и образом жизни, включая модели эмоциональных реакций на жизненные события и мотивацию поведения [12, с. 3]. Благодаря этому поддерживается порядок и определяется дисциплинарное общественное пространство, устанавливаются социальные роли. Однако повседневность каждого человека содержит внутренние переживания и индивидуальное восприятие культурной традиции, а также индивидуальную интерпретацию времени и пространства, проявляющуюся в действиях на основе конкретных обстоятельств, материальных ресурсов, сознательных и культурных возможностей. Основными критериями повседневности выступают субъект, объекты, пространственная локализация, длительность, условия проживания, образ жизни, форма организации жизни, субъективные представления о цели и направлениях деятельности [13].

По нашему мнению, повседневность – это совокупность систематически повторяющихся действий человека, которые сопровождаются сложившимся эмоциональным фоном, устоявшимся психологическим отношением, сознательными связями с различными аспектами объективной действительности. Эти действия реализуются во внутрличностной и межличностной коммуникации. При этом повседневность выражает происходящие социокультурные и духовные изменения в социуме.

Процессы и явления объективной действительности и их интерпретация транслируются на всех членов социума посредством социальных практик. В результате они, преломляясь в субъективной реальности и включая новых элементов в мировоззрение, проявляются в повседневности человека, в его деятельности и социальных практиках. Нереплексивность повседневности ведёт к невозможности применения рационального подхода, к сложности формирования объективной оценки материала исследования.

Когнитивные религиоведы отмечают врожденность религиозности на основании её тождества естественным процессам сознания. Религиозность трактуется П. Бойером как когнитивное свойство, развившееся в результате эволюции человечества и сформированное в соответствии с психологическими и культурными установками социальной действительности. В работах Т. Тремлина религиозность представлена как адаптация головного мозга к окружающему миру, проявляющаяся в процессе сосредоточения на сверхъестественных агентах, что выражается в соответствующих убеждениях (доктрине), поведении (ритуале) и социальной структуре (сообществе). Т. Малевич и Д. Кожевников предложили теорию «врожденных верующих», заключающуюся в готовности обнаружить сверхъестественных агентов повсюду, об объяснении природных феноменов работой сверхъестественных агентов и о наделении предметов определенными признаками [14]. При этом религия выступает механизмом, использующим репрезентации и паттерны поведения, приспособленные для разрешения практических повседневных задач. Когнитивные исследования основываются на кросс-культурных паттернах в религиозном мышлении, переживании и поведении [15, с. 36]. Взаимобусловленность струк-

туры повседневной жизни, ее устройства, содержания и когнитивных процессов отмечено Дж. Франкен и М. Слорсом. Когнитивная система формируется в результате жизнедеятельности, ведения определенного образа жизни. Поведение зависит от работы нейронных связей головного мозга (физиологии) [16].

Обозначенные выше подходы к повседневности позволяют анализировать повседневность человека, выявляя зависимость повседневного бытия от социокультурных изменений и когнитивных процессов, устанавливать характер внесенных элементов и механизмы трансформации повседневности, определять идентификационные маркеры, реконструировать образ жизни и поведения. Учитывая естественность религиозности для сознания и деятельности человека, можно понимать религиозные практики в качестве отражающих, постоянно присутствующих особенностей социальных процессов в повседневности, выявлять на их основе идентификационные маркеры членов социума.

В современной культуре и информационной среде имеют место тенденции секуляризации [17]. Несмотря на секуляризацию современного общества, религиозность продолжает влиять на стиль поведения и мысли людей, сохраняясь в структуре повседневности. Степень проявления в повседневной жизни религиозности различна как в индивидуальных, так и коллективных случаях. Этот факт отмечен Х. Коксом. Урбанизация, анонимность и профанность характеризуют современное светское западноевропейское общество. Религия как социальный институт постепенно утрачивает коллективный характер, проявляющийся в совместном совершении религиозных ритуалов. «Секуляризация ... теснит религию ... релятивировала религиозные картины мира». Однако это внешние проявления, отражающиеся в деятельности религиозных

объединений, а врожденная религиозность не исчезает, она изменяет формы проявлений в социальной действительности, не дистанцируясь от ментальных процессов сознания. В подтверждение неоднородности протекания процессов секуляризации в мире отметим несколько моментов. Первый: секулярные тенденции в большей степени присущи католическим странам, нежели православным, в которых наблюдается религиозное возрождение [18]. Второй: глобализационные условия влияют на востребованность тех или иных религиозных объединений в зависимости от соотношения экономических факторов и «производительностью» самих объединений [19]. На основании религиозных традиций формируются современные практики транскультурного потребления [20]. Третий: религиозные и светские власти имеют схожие механизмы принуждения и наказания, нередко выдают себя друг за друга [21].

Взаимообусловленность религиозности и социальных практик, представленных религиозными ритуалами, обозначена Х. Уайтхаузом. Ритуал активизирует психические процессы, используя эпизодическую память для проведения ярких, насыщенных как эмоционально, так и содержательно ритуалов, а применяя семантическую память – часто повторяющихся менее содержательных ритуалов. В первом случае происходит эмоциональный выброс, переживание целостности и единства психологического пространства, во втором – повторение культурных моделей и коллективных представлений, повседневные действия [22]. Оба варианта ритуала направлены на поддержание целостности религиозного сообщества. В процессе ритуала возникающие представления становятся «единственно отражающими реальность, в соответствии с чем и установки, и мотивации, реализуемые автором, становятся или кажутся ему единственно

правильными» [23, с. 90]. Анализ религиозных практик включает определение смыслов, вкладываемых людьми в свою деятельность норм и принципов, налагаемых социумом на поведение его представителей.

Ритуал представляет собой форму символического действия, служащего для закрепления отношений между людьми и сферой священного (религиозный ритуал), социального статуса в социуме и определенного этапа жизни (социальный ритуал). Религия наравне с условиями проживания, семьей и экономическими факторами влияет на культуру социума, формирования морали [24, с. 125]. Религиозные практики обладают такими характеристиками, как субъективность, завершенность во времени и пространстве, заинтересованность участников. При совершении религиозного действия сознанию участников внутренне присущи ощущение времени (темпоральность) и одновременность нахождения в повседневности и в сфере священного. Кроме того, через участие в совместных социальных действиях люди выражают принадлежность к определенному сообществу, принятие существующих социальных отношений [25]. Нередко эти стремления выражаются в экстремальных формах ритуалов с нанесением телесных повреждений [26]. Религиозное действие есть система социальных актов, в которых проявляются мотивации людей на познание и формирование мировоззренческой позиции. В них отражаются индивидуальный религиозный опыт и переживания, а также коллективные установки и идеологические положения, установленные и пропагандируемые социумом.

Принадлежность к религиозному сообществу и идентификация с ним, определение и позиционирование своей роли человеком осуществляются через участие в ритуалах, которые обеспечивают групповую сплоченность,

выступая средством внутригрупповой принадлежности [27]. Социум обеспечивает социальную солидарность, целостность сформированным коллективным сознанием, единым мировоззрением, системой общих аксиологических и этических положений. Согласно Э. Дюркгейму, ритуал есть механизм поддержания социальной солидарности, проявляющейся в единообразном образе жизни и мысли. За нарушение этого состояния социум подразумевает систему взысканий, включающую наказания за проступок (механическая солидарность) и меры восстановления нарушенного порядка (органическая солидарность). К. Вульф отметил наличие специфичной атмосферы общих чувств, формирующейся от совместных ритуалов и творческой имитации (мимезис) и служащей для передачи информации, а также определенной последовательности действий, направленных на преодоление интерпретационных различий (перфомативность). В результате включения этих элементов в ритуалы происходят преодоление внутригрупповых конфликтов и запоминание идеологических положений, интеграция людей с социумом.

С определенной долей допущений, на основании приведенных ранее высказываний можно утверждать, что религиозные действия являются разновидностями социальных ритуалов. Содержание социального ритуала направлено на межличностную коммуникацию участников. В одном случае участники представляются личностями, обладающими физическими телами, то в другом – личностями, обладающими отличными от обычных физических характеристик телами. Ритуал конструирует повседневность как подлинную реальность, в которой присутствуют как другие люди, так и представители сферы «священного». В результате устанавливается порядок, образ поведения, свойственный всем

участникам ритуала. В совершении ритуальных действий каждый человек получает подтверждение своей деятельности, социального статуса в социуме со стороны других участников. Социум визуализирует свою иерархичность, структурированность при указании на функциональные особенности каждого члена, внутренние и внешние границы. Внутригрупповые ритуалы создаются реляционными связями по причине функционального предназначения [28]. При этом представители «священного» выступают одними из участников, которые придают деятельности освященный статус, религиозное обоснование, а также утверждают руководителей и духовных лидеров в качестве своих доверенных лиц.

Человек, являясь представителем определенного социума, идентифицируя себя с ним и ощущая сопричастность с коллективными действиями, принимает участие в социальных ритуалах. Повседневная материальная культура выражает представления о священном, об окружающем мире и о человеке, способствует построению сплоченного, культурно единообразного коллектива. В культуре коллектива опосредуются личностные переживания, социальная идентичность, а также социально-политические процессы. Е. Хуберт указал на взаимосвязь материальных объектов культуры и социальных практик, которая выражается в материальной повседневной культуре, обеспечивающей поддержание идентификации членов сообщества с этим сообществом [29, с. 1].

Религия в современном мире снижает степень своего влияния на общество и отдельных людей, а ей на смену приходит секуляризация. Д. Белл отметил секуляризованные изменения в обществе, указав в качестве причины упадка религии – модернизм, присвоивший права религии. Это повлекло смену авто-

ритетов, понятия священного трансформировались в категории светского мировоззрения. Священное перестало символически отображать аксиологические и этические положения, устанавливать систему наказания и поощрения. Религиозный символизм находит выражение в эстетических и этических принципах современной культуры. Процессы секуляризации являются особенностями современного общества, а принцип секуляризма – универсальной основой межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, актуализация которого произошла в условиях глобализирующегося мира.

Упадок и снижение влияния на повседневную жизнь людей относится, в большей степени, к христианской культуре в государствах объединенной Европы, в которых секуляризация и современные ценности усугубили эти процессы. Безусловно, религиозность в возможностях своих проявлений претерпела изменения в современном западноевропейском обществе. В рамках сохранения религиозной традиции наблюдается стремление сочетать религиозные субъективные представления, основанные на религиозных положениях и поддерживаемые религиозными практиками, с секулярными тенденциями, светскими нормами. Это выражается в поиске компромиссов в процессе взаимодействия.

При снижении влияния религиозных традиций, реализуемых религиозными объединениями, на светское западноевропейское общество отмечается актуализация субъективной, внутренней религиозности, которая не требует социальных ритуалов. О. Гастингс указывает на наличие наименьшего количества близких контактов, узости сети коммуникации и социального взаимодействия у людей, не принимающих участие в религиозных действиях, в сравнении с их участниками [30].

Можно предположить, что представители современного общества реализуют религиозность во внутриличностном общении, при котором священное предстает результатом субъективного опыта.

Учитывая наличие религиозности как естественного свойства сознания, можно утверждать, что каждый человек в той или иной степени принимает участие в религиозных практиках. Однако в современных условиях при процессах секуляризации проявления религиозности стали менее обусловлены организационными действиями религиозных объединений. Наблюдается рост субъективной религиозности, характеризующейся индивидуальным взаимодействием со священным, исполнением индивидуальных религиозных практик, обусловленных внутренними переживаниями и опытом. Религиозные практики продолжают занимать значительное место в повседневной жизни человека, трансформировавшись в соответствие с условиями объективной секулярной действительности. Они отражают субъективную реальность человека, его переживания и индивидуальный опыт общения с существами «священного».

В современном мире при снижении социально-политического влияния религиозных объединений на повседневность людей религиозность получила свободу от навязанных религиозными традициями и религиозными институтами ограничений в возможностях проявления. Существование различных форм религиозности, обусловленных политическими, социокультурными и идеологическими условиями, способствует возникновению синкретических религиозных действий, основанных на эклектических представлениях. При этом данные практики позиционируются выражением индивидуальных представлений об объективной действительности, в которой

одновременно присутствуют представители «священного» и «мирского».

Религиозное действие, будучи социальным ритуалом, направлено на общение с другими – представителями священного. Целью является поддержание целостности коммуникативного пространства. В современном мире характер взаимодействий различен, что выражается в формах религиозных действий, их месте и роли в повседневности. Религиозные практики отражают мировоззрение, осознание человеком своей функции (субъективный аспект), занимаемого статуса и взаимодействия человека с социумом, степени влияния общества на повседневность человека, принятия/отрицание общественных норм, включая и отношения со священным (объективный аспект). Повседневность наполнена религиозными практиками, являющимися разновидностью ритуала и общественными действиями. Они обусловлены внутренней религиозностью, когнитивными свойствами сознания, естественными психологическими установками и биологическими потребностями, а также культурой, представителем которой человек себя считает и с аксиологическими положениями которой осуществляет свою деятельность. Однако, зачастую основываясь на субъективной интерпретации и реализуясь в индивидуальных практиках людей, религиозные действия получают формы, отличающиеся от установленных религиозными традициями.

Заключение

В современном западноевропейском обществе проявления религиозности трансформировались под влиянием условий секуляризации и глобализационных изменений. Религиозность есть свойство сознания, являющееся результатом эволюционного развития, и

полезной адаптацией к окружающему миру, присущие человеку с момента рождения. Утверждения о снижении влияния и упадке (Х. Кокс, Д. Белл, Ю. Хабермас) относятся к религиозным традициям и деятельности религиозных объединений. По причинам современных культурных тенденций и нерелфлексивности повседневности, обусловленной толкованием ее как незначимой части культуры, отмечается снижение проявлений религиозности в социальной действительности. Однако религиозность, будучи естественным свойством сознания, не способна исчезнуть, прекратить своё существование и влияние. Она получила новые формы проявления, неограниченные внешними и организационными нормами. Повседневность человека наполнена религиозными практиками. Они становятся более индивидуальными, отражающими субъективный опыт и переживания. Коллективные ритуальные действия снижают содержание религиозных практик, заменяя их светскими, обусловленными политическими и социокультурными условиями. Религиозность находит возможности своей реализации в субъективной реальности, поддерживает социальную солидарность и способствует сотрудничеству [31]. Сущность социальных ритуалов и характер их изменений, вызванных социокультурными и политическими установками, доступны для анализа, критерием которого является религиозность. Результаты исследований повседневности на основе выявления особенностей религиозных действий и их трансформаций актуализируются при формировании моделей современного социума, выявлении тенденций общественного развития, механизмов идентификации человека с тем или иным сообществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Хабермас Ю.** Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 7–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13075161>
2. **Willard A. K., Cingl L.** Testing theories of secularization and religious belief in the Czech Republic and Slovakia // *Evolution and Human Behavior*. – 2017. – Vol. 38, Issue 5. – P. 604–615. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2017.01.002>
3. **De A.** Spatialisation of selves: Religion and liveable spaces among Hindus and Muslims in the walled city of Ahmedabad, India // *City, Culture and Society*. – 2016. – Vol. 7, Issue 3. – P. 149–154. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2016.06.002>
4. **Chiodelli F.** Religion and the city: A review on Muslim spatiality in Italian cities // *Cities*. – 2015. – Vol. 44. – P. 19–28. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.12.004>
5. **Gökarıksel B., Secor A.** Post-secular geographies and the problem of pluralism: Religion and everyday life in Istanbul, Turkey // *Political Geography*. – 2015. – Vol. 46. – P. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2014.10.006>
6. **Малевич Т. В.** Эволюционное значение религии: между адаптацией и побочным продуктом // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословия. Философия. Религиоведение. – 2016. – № 4 (66). – С. 84–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26552577>
7. **Dilley R. M.** The problem of context in social and cultural anthropology // *Language & Communication*. – 2002. – Vol. 22, Issue 4. – P. 437–456. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0271-5309\(02\)00019-8](https://doi.org/10.1016/S0271-5309(02)00019-8)
8. **Корнев В. В.** Проблематизация категории «повседневности» // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 85–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12957529>
9. **Марковцева О. Ю.** Повседневность как бытие человека в мире // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 6-1 (56). – С. 111–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12987083>
10. **Боголюбова С. Н.** Повседневность: пределы идентификационных интерпретаций // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 1. – С. 31–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16214068>
11. **Никифорова С. В.** Конструирование образов повседневности (из опыта реконструкции традиционной повседневности якутов) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2015. – № 46. – С. 16–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23098772>
12. **Пушкарева Н. Л.** Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17718409>
13. **Банникова Е. В.** Условия повседневности: факторы определяющие жизнь // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2013. – № 3 (7). – С. 53–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20252301>
14. **Малевич Т., Кожевников Д.** Дискуссии о «врожденной» религиозности в когнитивном религиоведении // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 373–398. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-2-373-398>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26462960>
15. **Сергиенко Р. А.** Когнитивный подход к объяснению религии и религиозных представлений // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 36–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17041653>

16. **Francken J. C., Slors M.** Neuroscience and everyday life: Facing the translation problem // *Brain and Cognition*. – 2018. – Vol. 120. – P. 67–74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2017.09.004>
17. **Eremin A., Osmachko S.** The Education Activity of the Russian Orthodox Church in the Contemporary Transcultural Space of Russia // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2017. – Vol. 237. – P. 1475–1481. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.232>
18. **Northmore-Ball K., Evans G.** Secularization versus religious revival in Eastern Europe: Church institutional resilience, state repression and divergent paths // *Social Science Research*. – 2016. – Vol. 57. – P. 31–48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.11.001>
19. **Hanson G. H., Xiang Ch.** Exporting Christianity: Governance and doctrine in the globalization of US denominations // *Journal of International Economics*. – 2013. – Vol. 91, Issue 2. – P. 301–320. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2013.08.002>
20. **Cruz A. G. B., Seo Y., Buchanan-Oliver M.** Religion as a field of transcultural practices in multicultural marketplaces // *Journal of Business Research*. – 2017. – In Press. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.07.022>
21. **Yilmaz O., Bahçekapili H. G.** Supernatural and secular monitors promote human cooperation only if they remind of punishment // *Evolution and Human Behavior*. – 2016. – Vol. 37, Issue 1. – P. 79–84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.09.005>
22. **Vial T.** Harvey Whitehouse. Arguments and Icons: Divergent Modes of Religiosity // *Religion*. – 2004. – Vol. 34, Issue 3. – P. 248–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.religion.2004.04.011>
23. **Астахова Л. С.** Универсальные характеристики религиозного действия // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2007. – Т. 149, № 5. – С. 78–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11482057>
24. **Graham J., Meindl P., Beall E., Johnson K. M., Zhang L.** Cultural differences in moral judgment and behavior, across and within societies // *Current Opinion in Psychology* – 2016. – Vol. 8. – P. 125–130. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.09.007>
25. **Liberman Z., Kinzler K. D., Woodward A. L.** The early social significance of shared ritual actions // *Cognition*. – 2018. – Vol. 171. – P. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.10.018>
26. **Mitkidis P., Ayal S., Shalvi S., Heimann K., Levy G., Kyselo M., Wallot S., Ariely D., Roepstorff A.** The effects of extreme rituals on moral behavior: The performers-observers gap hypothesis // *Journal of Economic Psychology*. – 2017. – Vol. 59. – P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2016.12.007>
27. **Wen N. J., Herrmann P. A., Legare C. H.** Ritual increases children’s affiliation with in-group members // *Evolution and Human Behavior*. – 2016. – Vol. 37, Issue 1. – P. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.08.002>
28. **Kadar D. Z., Bax M. M. H.** In-group ritual and relational work // *Journal of Pragmatics*. – 2013. – Vol. 58. – P. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.03.011>
29. **Hubert E.** Figuring identity in everyday life // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 2016. – Vol. 44, Part A. – P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2016.07.015>
30. **Hastings O. P.** Not a lonely crowd? Social connectedness, religious service attendance, and the spiritual but not religious // *Social Science Research*. – 2016. – Vol. 57. – P. 63–79. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.01.006>
31. **Purzycki B. G., Henrich J., Apicella C., Atkinson Q. D., Baimel A., Cohen E., McNamara R. A., Willard A. K., Xygalatas D., Norenzayan A.** The evolution of religion and morality: a synthesis of ethnographic and experimental evidence from eight societies // *Religion, Brain and Behavior*. – 2018. – Vol. 8, Issue 2. – P. 101–132. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267027>

Tatyana Vladimirovna Izluchenko,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5644-301X>
E-mail: izluchenko@mail.ru

Religiosity as a criterion for analyzing the transformation of social rituals in contemporary people's everyday life

Abstract

Introduction. *The article investigates the problems of ritual transformation in the modern society as mechanisms of transferring knowledge about everyday life structure and expressing internal and external factors of societal development. The objective is to substantiate the effectiveness of the religiosity as a criterion for analyzing the transformations of social rituals of contemporary people's everyday life.*

Materials and Methods. *The study of everyday life is based on the historical anthropological approaches (P. Berger, T. Lukmann, H. Garfinkel, S. N. Bogolyubova). Religiousness is considered within the framework of cognitive science (P. Boyer, T. Malevich). The structural-functional approach is applied to the treatment of social ritual (E. Durkheim).*

Results. *The author identifies the role of religiosity in the formation of everyday life structure and the development of social rituals. It was revealed that forms of religiosity in social rituals are determined by socio-cultural conditions and psychological attitudes. The analysis of everyday life as an ontological concept, including the interpretation of significant phenomena of social reality as elements, regularly performed social rituals and communicative space, within which the learning and transfer of knowledge take place, is carried out. The subordination of religious actions and social rituals of everyday life is characterized. Religious actions are indicated by special cases of social rituals, in which the religious component is fundamental. Social rituals are represented by mechanisms for transferring knowledge, skills and learning within the society through performativity and mimesis in order to maintain social integrity. The transformation of social rituals in the modern world under the influence of secularization is highlighted, which is expressed in the content and sequence of rituals actions, as well as in the structure of everyday life. It is proposed to investigate changes in social rituals through the criterion of religiosity as an element which constantly exists in everyday life and reflects the conditions of social reality.*

Conclusions. *In accordance with the stated objective, the religiosity of consciousness is designated as a productive criterion for analyzing the transformation of social rituals under the influence of socio-cultural conditions. Everyday life of modern people is filled with individual religious practices, which express subjective ideas about the relationship between «sacred» and «profane». It is noted that manifestations of religiosity reflect the essence of social rituals of everyday life.*

Keywords

Everyday life; Religiosity; Rituals; Religious practices; Religious tradition; Religious communities; Historical anthropology.

REFERENCES

1. Habermas J. Religion, Law and Politics. – On Political Justice in a Multicultural World-Society. *Polis. Political Studies*, 2010, no. 2, pp. 7–21. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13075161>
2. Willard A. K., Cingl L. Testing theories of secularization and religious belief in the Czech Republic and Slovakia. *Evolution and Human Behavior*, 2017, vol. 38, issue 5, pp. 604–615. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2017.01.002>
3. De A. Spatialisation of selves: Religion and liveable spaces among Hindus and Muslims in the walled city of Ahmedabad, India. *City, Culture and Society*, 2016, vol. 7, issue 3, pp. 149–154. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2016.06.002>
4. Chiodelli F. Religion and the city: A review on Muslim spatiality in Italian cities. *Cities*, 2015, vol. 44, pp. 19–28. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2014.12.004>
5. Gökarıksel B., Secor A. Post-secular geographies and the problem of pluralism: Religion and everyday life in Istanbul, Turkey. *Political Geography*, 2015, vol. 46, pp. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2014.10.006>
6. Malevich T. V. Evolutionary Role of Religion: Between Adoption and By-Product. *St. Tikhons University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2016, no. 4, pp. 84–104. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26552577>
7. Dilley R. M. The problem of context in social and cultural anthropology. *Language & Communication*, 2002, vol. 22, issue 4, pp. 437–456. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0271-5309\(02\)00019-8](https://doi.org/10.1016/S0271-5309(02)00019-8).
8. Kornev V. V. Problem of Definition of a Category "Quotidian". *Altai State University Journal*, 2008, no. 2, pp. 85–90. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12957529>
9. Markovtseva O. Yu. Commonness as a Human Being Existence in the World. *Bulletin of Orenburg State University*, 2006, no. 6-1, pp. 111–117. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12987083>
10. Bogolyubova S. N. Everyday life: the limits of identification interpretation. *Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 1, pp. 31–34. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16214068>
11. Nikiforova S. V. Design Images of Everyday (from the Experience of the Reconstruction Traditional Everyday Yakuts). *In the World of Science and Art: Philology, Art History and Cultural Studies*, 2015, no. 46, pp. 16–23. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23098772>
12. Pushkareva N. L. The Scope and Methods of the Study of Everyday Life History. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2004, no. 5, pp. 3–19. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17718409>
13. Bannikova E. V. Conditions of daily life: the factors defining life. *Bulletin of Orenburg State Pedagogical University*, 2013, no. 3, pp. 53–58. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20252301>
14. Malevich T., Kozhevnikov D. Debates about Innate Religiosity in the Cognitive Science of Religion. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2016, no. 2, pp. 373–398. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-2-373-398> . URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26462960>
15. Sergienko R. A. Cognitive Approach to Explain the Nature of Religion and Religious Conceptions. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 2011, vol. 2, no. 3, pp. 36–43. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17041653>
16. Francken J. C., Slors M. Neuroscience and everyday life: Facing the translation problem. *Brain and Cognition*, 2018, vol. 120, pp. 67–74. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2017.09.004>
17. Eremin A., Osmachko S. The Education Activity of the Russian Orthodox Church in the Contemporary Transcultural Space of Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2017, vol. 237, pp. 1475–1481. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.232>

18. Northmore-Ball K., Evans G. Secularization versus religious revival in Eastern Europe: Church institutional resilience, state repression and divergent paths. *Social Science Research*, 2016, vol. 57, pp. 31–48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.11.001>
19. Hanson G. H., Xiang Ch. Exporting Christianity: Governance and doctrine in the globalization of US denominations. *Journal of International Economics*, 2013, vol. 91, issue 2, pp. 301–320. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2013.08.002>
20. Cruz A. G. B., Seo Y., Buchanan-Oliver M. Religion as a field of transcultural practices in multicultural marketplaces. *Journal of Business Research*, 2017, in Press. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.07.022>
21. Yilmaz O., Bahçekapili H. G. Supernatural and secular monitors promote human cooperation only if they remind of punishment. *Evolution and Human Behavior*, 2016, vol. 37, issue 1, pp. 79–84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.09.005>
22. Vial T. Harvey Whitehouse. Arguments and Icons: Divergent Modes of Religiosity. *Religion*, 2004, vol. 34, issue 3, pp. 248–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.religion.2004.04.011>
23. Astakhova L. S. Universal characteristics of religious activity. *Proceedings of Kazan University*, 2007, no. 5, pp. 79–90. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11482057>
24. Graham J., Meindl P., Beall E., Johnson K. M., Zhang L. Cultural differences in moral judgment and behavior, across and within societies. *Current Opinion in Psychology*, 2016, vol. 8, pp. 125–130. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.09.007>
25. Liberman Z., Kinzler K. D., Woodward A. L. The early social significance of shared ritual actions. *Cognition*, 2018, vol. 171, pp. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2017.10.018>
26. Mitkidis P., Ayal S., Shalvi S., Heimann K., Levy G., Kyselo M., Wallot S., Ariely D., Roepstorff A. The effects of extreme rituals on moral behavior: The performers-observers gap hypothesis. *Journal of Economic Psychology*, 2017, vol. 59, pp. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2016.12.007>
27. Wen N. J., Herrmann P. A., Legare C. H. Ritual increases children’s affiliation with in-group members. *Evolution and Human Behavior*, 2016, vol. 37, issue 1, pp. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.08.002>
28. Kadar D. Z., Bax M. M. H. In-group ritual and relational work. *Journal of Pragmatics*, 2013, vol. 58, pp. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.03.011>
29. Hubert E. Figuring identity in everyday life. *Journal of Anthropological Archaeology*, 2016, vol. 44, part A, pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2016.07.015>
30. Hastings O. P. Not a lonely crowd? Social connectedness, religious service attendance, and the spiritual but not religious. *Social Science Research*, 2016, vol. 57, pp. 63–79. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.01.006>
31. Purzycki B. G., Henrich J., Apicella C., Atkinson Q. D., Baimel A., Cohen E., McNamara R. A., Willard A. K., Xygalatas D., Norenzayan A. The evolution of religion and morality: a synthesis of ethnographic and experimental evidence from eight societies. *Religion, Brain and Behavior*, 2018, vol. 8, issue 2, pp. 101–132. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267027>

Submitted: 22 March 2018

Accepted: 11 May 2018

Published: 30 June 2018

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).